

МАКСИМ Д. МИРОШНИЧЕНКО

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

ORCID: 0000-0003-1374-1599

Борозды альтерглобализма *Рецензия на книгу: Малабу К. (2019)* Что нам делать с нашим мозгом? М.: V-A-C Press

doi: 10.22394/2074-0492-2020-2- 259-267

Опубликованный в прошлом году издательством V-A-C Press русский перевод книги Катрин Малабу 2004 года продолжает знакомство читателей с современной материалистической философией во всем многообразии ее форм и разновидностей. То, что выгодно отличает Малабу от других коллег по континентальному «цеху», — это ясное и четкое продолжение программы деконструкции метафизики своего учителя и научного руководителя Жака Деррида. Под руководством последнего Малабу защитила диссертацию по философии Гегеля, в которой она впервые обнаружила и раскрыла концепт, ставший ее «визитной карточкой», — пластичность.

259

Мирошниченко Максим Дмитриевич — кандидат философских наук, стажер-исследователь Центра истории идей и социологии знания Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Поletaева НИУ ВШЭ. Научные интересы: феноменология, кибернетика, теория систем, энактивизм и 4EA cognition. E-mail: jaberwokky@gmail.com

Maxim D. Miroshichenko — PhD in Philosophy, research assistant at Center for History of Ideas and Sociology of Knowledge at Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russian Federation. Research interests: phenomenology, cybernetics, systems theory, enactivism and 4EA cognition. E-mail: jaberwokky@gmail.com

Рецензия подготовлена в ходе проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

Acknowledgements: The review was prepared within the framework of the HSE University Basic Research Program and funded by the Russian Academic Excellence Project ‘5-100’.

Книга «Что нам делать с нашим мозгом?» продолжает и развивает это начинание по поиску иной логики становления субъекта, которая, с одной стороны, сохранила бы вкрадчивость, осторожность и непреклонность деконструктивистского чтения философской классики (в фокусе внимания работ Малабу помимо Гегеля оказываются Кант, Хайдеггер, Фуко и Фрейд), но, с другой — обрела бы новую аффирмативную интонацию, уверенность в артикуляции программных тезисов: *теперь мы наконец узнаем, что же нам делать с нашим мозгом*. Мероприятие для континентальной мысли доселе невиданное, и тем более естественно, что Малабу оговаривается в предисловии ко второму изданию о повсеместном и победоносном наступлении наук о мозге, его вторжении в гуманитарное знание, которое как бы автоматически требует симметричного ответа. Отныне философы уже не могут игнорировать результаты естествознания, а поскольку *brain science* откровенно притязает на тотальную натурализацию специфически человеческой деятельности — познания, наделения смыслом, социального действия, — то просто отмахнуться ссылкой на хайдеггеровское заклинание «наука не мыслит» уже не удастся. Впрочем, Малабу отдает себе отчет в рискованности сего предприятия и мимоходом упоминает проект *Critical Neuroscience*, к созданию которого приложила руку она сама. Инициаторы этого проекта то и дело ссылаются на данную работу как на едва ли не первую попытку переосмысления дисциплинарных разграничений в условиях близящейся победы наук о природе (в лице нейронауки) над науками о культуре.

Тем не менее, несмотря на провозглашаемую Малабу новизну проблем, которые ставит перед философией нейронаука, дискурсивная ситуация, в контексте которой появилась эта книга, существует уже достаточно давно. Ее первые проявления наблюдались в конце позапрошлого века, когда исследования нервной деятельности, моделируемой через циклы стимула и реакции, стали использоваться в качестве аргумента против научно приемлемого осмысления человеческой психики. Сегодняшняя ситуация нова лишь тем, что политика распределения грантов и финансирования исследований мозга зачастую диктуется не столько реальными движениями в области естественнонаучного объяснения человеческого сознания или его синтетической имитации искусственным интеллектом, сколько обещаниями революционного прорыва в ближайшем будущем. Оно удивительным образом всякий раз отсрочивается в неопределенность в точном соответствии с логикой различания (*differance*) Деррида, который при этом науками о мозге практически не интересовался.

Но дадим слово самой Малабу. В центре ее философских построений оказывается мозг. Следует при этом уточнить, что имеется

в виду не мозг как объект исследований *brain science*, а, скорее, некая дискурсивная формация, дискурс *церебральности*, которой она посвятила ряд своих работ. Церебральность как феномен культуры диктует свои диспозитивы, связывающие воедино эпистемологию и политику. Для обыденного сознания стало почти банальным говорить, что мозг — это орган мышления, что когнитивные функции как-то укоренены в нейрофизиологическом субстрате. Ответ на загадку человеческой души близок как никогда, говорят нам ученые и популяризаторы науки. И не так важна научная правдивость или ошибочность дискурса нейронаук, как важны те многочисленные и по сей день не до конца осознанные социальные, политические и культурные эффекты жеста низведения человеческого — ментального, социального, культурного, политического — к нейронному, физиологическому.

Дискурсивные установки и властные диспозиции, озаменованные победоносным шествием «когнитивной революции», в сущности, воспроизводят события интеллектуальной жизни, происходившие в конце XIX — начале XX века вокруг только что возникшей неврологии в современном ее понимании. По нынешним меркам рудиментарные и методологически не выверенные познания ученых прошлого о высшей нервной деятельности провоцировали едва ли не меньший энтузиазм в связи с забрезжившей возможностью научного объяснения человеческой психики. Следовательно, церебральность уже давно и прочно занимает свое место в современности, заставляя нас культивировать то или иное отношение к ней.

Итак, церебральность бросает вызов философии — и последней уже не получится просто так отвертеться от ответа. Можно заметить, что герменевтические ходы, предпринимаемые Малабу по отношению к мозгу и его естественнонаучному осмыслению, оказываются несколько произвольными. Стоит, к примеру, упомянуть ее несогласие с весьма устойчивой метафорой мозга как машины, центральной телефонной станции или компьютера. Вероятно, отчасти это может быть оправдано целями, которые она ставит как теоретик политической эмансипации и которые, очевидно, необязательно должны совпадать с таковыми сообщества нейрочеловеков. Собственно, она открыто признает это, уличая цитируемых ею исследователей мозга в неосознанном транслировании сомнительных идеологем. Малабу ставит перед собой цель, вполне ожидаемую от интеллектуала и представителя континентальной философии: в очередной раз разделаться с неприглядным уродцем современного когнитивизма, который в ее экспозиции подозрительно напоминает слегка осовремененную версию рефлексологической доктрины Павлова. Но в отличие от Славоя Жижека, ссылая на работу которого присутствует в предисловии ко второму изданию, Малабу работает

с пластичностью не как с очередной ипостасью иерархизирующей «деспотической науки», а, скорее, как с новой лазейкой для освобождения, прикрытой завесой эзотерического естествознания.

В этой связи ее работа с научным материалом оказывается чем-то большим, нежели простое разоблачение науки как коварного сообщника власти и подчинения. Тем не менее ее послыл считывается мгновенно и претендует на тематизацию зеркальных отношений между нервной системой и системой политической, режимами нейробиологического и политического контроля, глобализации и предсказуемости. Эта тематизация, утверждает Малабу, поможет философии обрести оружие против претензии нейронауки на разоблачение субъективности и позволит спасти раскрываемое в ней измерение свободы, креативности и контингентности.

262 В качестве ресурса для достижения своей цели Малабу берет понятие *пластичности*. В различных контекстах этот концепт отсылает к способности принимать форму (скульптурная пластика) и придавать ее (пластическая хирургия). Пластичность мозга, о которой говорит наука о мозге последних десятилетий, позволяет рассматривать его как инстанцию изменяемую, «формуемую» и формообразующую. Малабу предлагает тройное членение поля действия нейропластичности: 1) пластичность развития, т. е. эмбриональное формирование нейронных связей; 2) пластичность модуляции синаптической эффективности в ходе онтогенеза; 3) пластичность регенеративная, т. е. восстановление утраченных функций при повреждениях ткани. Как следствие в ракурсе пластичности мозг обретает способность изменять свою структуру и функции вследствие развития, опыта или перенесенных повреждений. Мозг, таким образом, — это то, что мы делаем с ним. Мы делаем его, но при этом не знаем об этом, говорит Малабу, перефразируя знаменитое изречение Карла Маркса.

Маркс здесь возникает неслучайно, ведь «развитие человеческого мозга по большей части протекает в открытом пространстве, при соприкосновении с раздражителями мира, которые непосредственно воздействуют на рост и объем соединений. <...> Именно информация, полученная извне, активизирует эти синапсы и содействует их созреванию» [с. 45]. Человек — это не только ансамбль общественных отношений, это еще и совокупность воздействий, оказываемых извне на начертательную поверхность мозга, а также тех реакций, которые запечатлеваются в его бороздах и диктуют сценарий индивидуального развития в среде.

Пластическому «созреванию» мозга имманентна логика становления через серию разрывов и образование новых связей. Эта логика схватывается во взаимосвязи долговременной потенциации (ДВП) и долговременной депрессии (ДВД) пропускнутой способности

синапса — эффективности передачи им сигнала от одного нейрона к другому, нервной проводимости. Другими словами, здесь можно наблюдать долгосрочные модификации в размере и проницаемости активизируемой зоны коры головного мозга, предполагающие определенную лабильность начертательной поверхности, и способность сохранять импульсы стимуляции. В электрохимизме формирования нейронных конфигураций присутствует диалектический момент: взаимодействие генетики и эпигенетики, филогенетической программы развития и ее «интерпретации», где влияние среды является определяющим. При этом даже в такой диалектике остается неясным источник преобразования нейрофизиологического в психическое. Понятия, используемые нейрочеными, не объясняют качественного скачка с одного уровня организации (и соответственно режима функционирования) на другой. И в этом смысле работа Малабу призвана восполнить разрыв между молекулярными и политическими процессами.

Таким образом, в работе нейропластичности проявляет себя способность мозга к самоисцелению: «пластическое искусство мозга рождает статую, способную излечивать саму себя» [с. 53]. Однако это искусство не безгранично: нарушения пластичности могут вызывать черепно-мозговые травмы, нарушения мозгового кровообращения, нейродегенеративные заболевания, энцефалит. Следствием становится дефицит, который все равно, пусть иногда тщетно, восполняется нервной системой, создающей новые схемы организации мозга, восстанавливающей или компенсирующей утраченные функции.

Все эти потрясающие факты, безусловно, очень важны для формирования естественнонаучного облика человека — «нейронной самости». Но, как справедливо отмечает Малабу, это принадлежит описательной стороне наук о мозге. Но как насчет *предписаний*? Что нам делать с таким удивительно живучим органом мышления? *Что нам делать с нашим мозгом?* Этот вопрос Малабу задает вновь и вновь на протяжении всей книги.

Здесь она переходит к критической части своего рассуждения о церебральности. Мозг, взятый как предмет неврологического знания, — это, говоря гегельянски, всего лишь абстракция, продукт слепого и неосознанного сведения воедино гетерогенных и порой противоречащих друг другу гипотез и подверстываемых к ним фактов, что в итоге будто бы может дать некую «науку сознания» (science of consciousness). К примеру, один из «героев» Малабу, нейрофилософ Томас Метцингер, является одним из наиболее последовательных и строгих сторонников идеи поиска нейронных коррелятов сознания (neural correlates of consciousness). Но и его попытки систематизации и синтеза можно разоблачить как «плохую философию» или

«плохую науку» в зависимости от того, с чьей стороны прозвучит критика.

А это свидетельствует о том, что пока говорить о возможности построения глобальной объяснительной модели сознания как эпифеномена развития мозга по меньшей мере преждевременно. Сама Малабу соглашается с Джозефом Леду, когда тот признается, что и сегодня мы не способны достичь полной эквивалентности когнитивных, эмоционально-аффективных и социальных измерений человеческой жизни и синаптических конфигураций центральной нервной системы. Дабы обрести философскую конкретность, мозг должен, во-первых, быть включенным во взаимосвязь с сознанием и историей, а, во-вторых, извлечь себя из ловушек «идеологического аватара» своей основной способности — пластичности.

Вопрос долженствования, помноженный на критическую рефлексию в духе Фуко, позволяет Малабу довольно смело обращаться с седиментациями нейронаучного знания. Она отмечает, что научно-популярные нарративы о потрясающих способностях мозга, его неповторимом умении адаптироваться и учиться новому, перспективе чтения мыслей на расстоянии и т. д. имеют как будто намеренно издевательский характер. Такие нарративы включаются в обещание будущего, в котором нейропластичность занимает положенное ей место, но которое вопиющим образом контрастирует с тем, что фактически наши мозги всего лишь ассистируют нам в лучшем и более эффективном выполнении рабочих обязательств в надежде на повышение качества жизни.

Так выясняется, что наша пластичность у нас отнята, а «когнитивная революция» не привела ни к чему: «мы не стали ни свободнее, ни умнее, ни счастливее» [с. 95]. Речь, очевидно, идет о трансформациях глобального капитализма, где основным критерием трудоспособности (*employability*) становится умение быстро адаптироваться, быть гибким и стрессоустойчивым. Собственно, *гибкость* — это и есть «идеологический аватар» пластичности. Желательно и даже необходимо для выживания в конкурентной среде быть мобильным, быстро обучающимся, прогибающимся, короче говоря, быть «личностью наиболее гармоничной и зрелой» [с. 92], которая будто бы более пластична, а точнее, гибка, чем другие. Малабу уличает цитируемых ею нейроученых Жана-Пьера Шанжэ и Джозефа Леду в том, что имплицитное истолкование ими фактов о нейропластичности, равно как и воздержание от такового, делает акцент на адаптивности, а не на креативности развития. Проще говоря, они делают ставку на то, что пластичный мозг подстраивается к условиям среды, а не разрабатывает стратегии их изменения. Между тем пластичность, как подчеркивает Малабу, расположена между двумя крайними полюсами: пассивным принятием формы извне и уни-

чтожением всякой формы вообще. Пластичность как следствие является воплощением свободы, где биологическое и символическое измерения переплетены и неотделимы друг от друга.

Пластичный субъект свободен постольку, поскольку способен к преобразованию, но в то же время его, так сказать, репертуар изменчивости задан внешними условиями культуры, политики и общества. Замена пластичности гибкостью означает возможность контроля над нейрофизиологическими трансформациями, которая, пожалуй, восходит к кибернетике, а именно к идее взаимосвязи коммуникации и контроля. Видимо, в этом состоит причина недовольства Малабу кибернетическими и информационными метафорами мозга.

Контроль за пластичностью и ее ограничение адаптивной гибкостью — вот в чем повинна наука о мозге, неволью вступившая в общиннические отношения с властными структурами. Ведь ее имплицитный ценностно окрашенный акцент на зрелости и гармоничности мозга-карьериста осуществляет недопустимую натурализацию наличного социально-политического и экономического порядка: дескать, неравенство и стратификация людей становятся следствиями недостаточной гибкости. Будь гибким — и ты достигнешь карьерного взлета.

265

А что же уготовано тем, кто не намерен или не способен играть по таким правилам? Их судьба незавидна: дезаффилированные, асоциальные и дезориентированные, «непластичные» субъекты обречены на маргинализацию и исключение из социального порядка. Ситуация тем более возмутительная, если принять к сведению неявно проводимую аналогию между социально неблагополучными людьми (безработными, нелегалами и бездомными) и пациентами с нейродегенеративными заболеваниями (синдромом Альцгеймера, болезнью Паркинсона): и те, и другие предстают беспамятными, утратившими податливость, закосневшими и безынициативными. Значит, с пластичностью что-то не так, и проблема здесь кроется в подмене подлинной пластичности ее ложным двойником — лучшим союзником неолиберализма, одержимого эффективностью трудовой деятельности.

Меж тем достаточно очевидно, что редукция пластичности к гибкости не вполне корректна и с научной точки зрения. Малабу делает небольшой критический выпад против «ментального дарвинизма», который, кстати, преследует когнитивизм и эволюционную психологию с самого момента их возникновения. В общем виде дарвинизм в данном случае сводится к представлению, что индивидуальное и видовое развитие когнитивных функций подчинено требованию адаптации. Мозг должен как можно эффективнее подстраиваться под условия среды, он, так сказать, находится

в рабстве у своей экологической ниши, потому пластичность — это уловка, позволяющая избежать вымирания. *Mutatis mutandis*, образ «закрепощенного мозга» переключался в дискурс современного капитализма, заодно привнеся с собой, по сути, социал-дарвинистские метафоры выживания (карьерного успеха и благополучия) наиболее приспособленных. Это представление критикуется уже достаточно давно, и Малабу на этом поприще совсем не первопроходец. Критику «ментального дарвинизма» можно резюмировать тезисом, что мозгу не обязательно эффективно приспосабливаться. Эволюционно ему выгоднее совладать с контингентностью факторов среды и научиться подрывать обуславливающие ее «неизменные» структуры. Одним словом, ему требуется быть креативным, но не в тривиальном смысле обладания одной из способностей «зрелой и гармоничной» личности, а во всем богатстве значений пластичности, вкладываемых Малабу в этот концепт. Быть открытым для принятия формы, носить и передавать ее, но и не покоряться ей, взрывать ее наиболее насильственные разновидности.

266

«Не быть репликами карикатуры мира: вот что мы должны делать с нашим мозгом. Отказываться быть гибкими индивидами, которые сочетают постоянный самоконтроль и способность к самомодификации по воле потоков, переносов, обменов и из страха взрыва. Отменить потоки, ослабить самоконтроль, согласиться на то, чтобы иногда взрываться: вот что мы должны делать с нашим мозгом» [с. 107]. Такой ответ дает Малабу на основной вопрос своей книги. Не принимать покорно глобализацию экономики и наших мозгов, отказываться от слияния с сетевыми структурами и финансово-информационными потоками, а культивировать в себе ростки инаковости, ускользать от программируемости и предсказуемости. Как видим, этим она продолжает тематику трансгрессии, броска в «совсем иное», ставшую знаковой для французской философии прошлого века. Она привносит сюда некоторую новизну, разбавив рассуждения в духе French Theogу тщательным разбором эмпирических материалов нейронауки (главным образом франкоязычных) и дискурсивных формаций вокруг нее с целью дать не парадоксальную экспозицию мучительно неразрешимой апории (в духе своего учителя), а деонтологический призыв, указание на реальную возможность эмансипации.

Но присуща ли нейропластичности как явлению, возведенному в статусе до философского понятия, особого рода автореферентность, хиазматическая самоприменимость, которая многократно усилила бы ее потенции инструмента для пробуждения сознания и социальной критики? Так была бы достигнута искомая *диалектика нейробиологического разума*, скрытая за научными и идеологическими нарративами. Создается впечатление, что в силу дисциплинар-

ного размещения пластичности на перекрестье разнородных дискурсивных практик она остается скорее заявкой на предстоящую философизацию.

Собственно говоря, автору этой рецензии кажется, что с амбициозным проектом Малабу следует произвести то, что сама она сделала с трансцендентальной философией Канта в своей более поздней работе: наделить ее самоприменимостью, привнеся аспект становления и саморазвития в собственное поле архитектурного действия. Этим можно получить («вырастить», как сказала бы любительница органицистских метафор Малабу) систематическую программу, которая сохранила бы критический нерв пластичности, ориентируясь на *cutting edge* познания в области нейронаук. Пластичность может быть изваяна и сформована лишь при такой ее концептуализации, которая возвысила бы ее до уровня универсального и всеильного средства пробуждения сознания, томящегося в биополитических оковах.

Рекомендация для цитирования:

Мирошниченко М.Д. (2020) Борозды альтерглобализма. Рецензия на книгу: Малабу К. (2019) Что нам делать с нашим мозгом? М.: V-A-C Press. *Социология власти*, 32 (2): 259-267.

267

For citations:

Miroshichenko M.D. (2020) The Sulci of Alterglobalism. Book Review: Malabu K. (2019) What should we do with our brain? Moscow: V-A-C Press. *Sociology of Power*, 32 (2): 259-267.

Поступила в редакцию: 11.06.2020; принята в печать: 20.06.2020

Received: 11.06.2020; Accepted for publication: 20.06.2020